

Пользование дублировками для исследования происхождения того или иного рассказа летописи встречается в работах о летописи М. П. Погодина, И. И. Срезневского, Д. И. Прозоровского и др. Однако только А. А. Шахматов внес новое в самый принцип исследования дублировок. Отказавшись от эпизодических наблюдений летописного текста отдельных его годовых статей вне зависимости от других, А. А. Шахматов стал исследовать дублировки в их совокупности и во всем летописном материале летописных списков в целом. Подобно тому как обобщения А. А. Шахматова охватывали все известные ему летописные списки, — анализ А. А. Шахматова охватывал весь текст каждого летописного списка в отдельности.

Дублировки очень типичны для летописания, и пользование дублировками — одна из самых важных особенностей его изучения. При этом отметим: не так даже сложно обнаружить дублировку, как ее объяснить, а объяснение происхождения дублировок может быть очень разнообразно¹.

В подходящих условиях дублировки встречаются и не только в летописных сочинениях. Так, например, в «Житии князя Федора Ярославского», составленном монахом Спасо-Ярославского монастыря Антонием, соединены различные источники. В частности, Антоний пользовался предшествующим анонимным «Житием Федора Ярославского» и «Повестью об убиении Батыя», приписываемой Пахомию Сербу². Из обоих этих источников он взял сведения о завоевании Руси полчищами Батыя, но соединил их неумело. В результате об этом рассказывается у Антония дважды: сначала по «Повести об убиении Батыя», а затем по анонимному житию³.

Использование списков иерархов церкви, князей, посадников, городов и пр.

В летопись очень часто включаются (особенно в начале летописей) нечто вроде указателей имен князей, епископов, городов, посадников и пр. В середине летописи могут встретиться указания — какие существуют

¹ Иногда установить причину появления дублировок оказывается весьма сложно. См., например, полемику Г. М. Прохорова и Я. С. Лурье по поводу происхождения дублировок в Новгородской Карамзинской летописи (Г. М. Прохоров. Летописные подборки рукописи ГПБ, Ф. IV.603 и проблема сводного общерусского летописания; Я. С. Лурье. Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977. С. 165–218).

² С. П. Розанов (Повесть об убиении Батыя. — Изв. ОРЯС АН, 1916, т. XXI, кн. 1) сомневается в том, что «Повесть» эта написана Пахомием Сербом.

³ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты). М., 1915 С. 231.

дети у князя. По упоминанию детей мы можем судить о том, составлена эта заметка до или после рождения у князя того или иного ребенка. По указанию на последнего епископа, последнего князя или посадника можно также судить о времени составления этого списка, а если список тесно связан с летописью, то и о времени составления последней. В главе, посвященной установлению времени создания произведения, мы уже останавливались на показаниях такого рода списков для хронологических определений. В данном случае подчеркнем, что списки эти очень часты и характерны для летописей и что сведения, извлекаемые из этих списков, касаются не только хронологии.

Списки иерархов церкви, князей, посадников, городов и т. п. помогают установить тождество или различие текстов, а также время окончания работы над текстом, так как списки эти обычно при переработке летописного текста доводились летописцами до своего времени и только механическими копиистами оставались без изменений.

Так, А. Н. Насонов, исследуя взаимоотношение списков псковской летописи — Оболенского (рукопись Археографической комиссии № 252 в ЛОИИ) и Погодинского 1-го (собр. Погодина № 1404*, ГПБ), — пришел к выводу, что в основу списка Оболенского положена не копия с Погодинского 1-го, а только близкий к нему список. Основанием к тому явился анализ разночтений и различий в списке новгородских архиепископов. В списке Оболенского последним указан Моисей (умер в 1363 г.), а в списке Погодинском 1-м — Давыд (умер в 1325 г.). Отсюда можно предполагать, что текст Погодинского списка 1-го старше текста списка Оболенского, и это подтверждается разночтениями.

Установление местного происхождения летописей

Центр, из которого вышла та или иная летопись, обычно обнаруживается по особому, а иногда даже мелочному вниманию летописи к событиям в этом центре. Так, например, редакция псковской летописи, представленная Вахромеевским, Румянцевским и Типографским списками, проявляет после известий 1547 г. особый интерес к новгородскому Софийскому собору. «Того же лета, — пишется в Вахромеевском списке под 1548 г., — в Великом Новеграде в церкви Иоанна в темницы архиепископ Феодосий подпоры деревянные из церкви выметал да своды каменные dospел над гробом чудотворцевым каменной теремец, да церковь всю выбелил, да иконами и свещами и книгами украсил и свещу неугасимую поставил, и от того времени начаша в церкви святого Иоанна Предтечи в темницы обедню по вся дни служити по неделям попы Софейского собору». Под 1553 г. говорится о море в Новгороде: «А у соборней церкви у Софии премудрости божии толко